

Прибежище и спасение: жизнь эвакуированных в г. Глазове в 1941-1945 гг.

ЭВАКУАЦИЯ. 1. Вывоз (или вывод) людей, учреждений, имущества из опасных местностей (во время военных действий, стихийных бедствий, с мест затопления); перевозка раненых с театра военных действий в тыл, вывод войск из ранее занимавшихся ими районов. **2.** Место, время пребывания эвакуированных там, куда они вывезены (разг.).

Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1998.

В течение начального периода Великой Отечественной войны, полного потерь и неудач, многие области и республики нашей страны оказались захваченными врагом. Под угрозой нашествия огромные массы людей, бросая родные края и нажитое имущество, были вынуждены уходить на восток.

В годы войны город Глазов несколько лет послужил пристанищем для многих тысяч беженцев. В официальных документах они получили наименование - «эвакуированные». Эти люди, стали в то время весьма значительной частью населения Глазова, О жизни эвакуированных в Глазове известно пока совсем немного. Но благодаря воспоминаниям и документам мы можем узнать, насколько неизгладимый след в истории нашего города оставила «эвакуация».

В годы войны Удмуртия, до которой не долетала фашистская авиация, располагающая людскими резервами основными транспортными магистралями и

сырьем для промышленности, стала одним из важнейших районов по приему и размещению эвакуированных предприятий.

К концу 1941 года на территорию Удмуртии было эвакуировано 34 предприятия. Из них 8 предприятий размещалось на территории города Глазова. На территории Глазовского льнотреста были размещены три льнозавода из Новгородской и Калининградской областей и шпагатная фабрика из Брянской области. На территории Глазовского винзавода располагались табачные фабрики из Ленинграда и Москвы. В здание сельскохозяйственного техникума был вселен экспериментальный завод режущих инструментов из Феодосии. Из подмосковного города Наро-Фоминска в Глазов переехала ремонтная база № 81 Автобронетанкового управления Красной Армии, в конце декабря 1941 г. приступившая к ремонту прибывшей с фронта техники. На территории недостроенного льнокомбината был размещен Военный патронный завод № 544. Кроме того, в наш город прибыло оборудование Брянской ГРЭС и Метростроя Москвы.

Кроме промышленных предприятий, в Глазов в сентябре 1941 г. было эвакуировано 2-е Ленинградское военное пехотное училище, готовившее командный состав для фронта.

Одновременно с эвакуацией промышленных предприятий шла эвакуация населения с захваченных врагом территорий. Только железнодорожным путем в восточные районы СССР вывезено свыше 10 млн. человек. В Удмуртии же в первые годы войны было размещено всего до 78 тыс. человек эвакуированного населения, значительная часть которого была расселена в городах и в рабочих поселках.

Первый железнодорожный состав с эвакуированными прибыл в Глазов уже на исходе первой недели войны - 29 июня 1941 г. Приехавших было всего 170 человек. Городские власти срочно предоставили беженцам общежития Учительского института и педучилища, освободившиеся после отъезда студентов. Но на следующий день на заседании сессии Глазовского Горсовета один из депутатов возмущенно заявил о том, что общежития не были готовы к приему людей: тараканы, «грязь, клопы, сорваны репродукторы».

По мере того, как пожар войны охватывал новые территории Советского Союза, в Глазов продолжали идти шли новые эшелоны с беженцами. К 23 августа 1941 года в Глазове уже находилось уже 485 эвакуированных, 171 из них были детьми. Многие беженцы не задерживались в Глазове и выезжали к родственникам. Из оставшихся 117 человек тогда же были срочно устроены на работу. 56 эвакуированных ребят стали посещать детсад и ясли.

Город Глазов, как имеющий железнодорожную станцию, служил не только основным пунктам приема и устройства, но также и местом распределения эвакуированных граждан. Со станции Глазов прибывшие семьи эвакуированных направлялись на жительство в четыре района: Глазовский, Красногорский, Понинский и Юкаменский. Кроме того, прибывающее и отъезжающее в другие районы эвакуированное население, а также проезжающие эшелоны с эвакуанаселением обеспечивалось мукой и другим продовольствием. На Глазовской станции был организован питательный пункт, действовал железнодорожный буфет.

Национальный состав эвакуированного населения Глазова был весьма пестрым. Большую часть их составляли русские. Было немало евреев, бежавших от поголовного уничтожения фашистами. Среди эвакуированных присутствовали украинцы, белорусы, латыши, литовцы, поляки, даже карелы и вепсы. Больше всего беженцев оказалось из Ленинграда, Ленинградской области и Карело-Финской ССР.

Непрекращающийся поток беженцев резко обострил жилищный вопрос в маленьком городе, где большую часть зданий составляли деревянные одно- и двухэтажные дома и бараки. Положение осложнялось еще и тем, что необходимо было предоставить помещения и для воинских частей и нескольких госпиталей. Чтобы разместить всех прибывших в Глазов, власти вселяли людей в квартиры городских жителей. К августу 1941 г. было «уплотнено» уже 259 квартир. Дело дошло до того, что 18 августа 1941 г. Горсовет постановил: «не позднее 21 августа дополнительно выявить всю жилую площадь в городе» и «временно уплотнить во всех домах по городу всех жильцов с оставлением на жильца от 2,5 до 3 м² жилой площади».

До войны численность населения Глазова составляла 17,4 тыс. человек. Но, благодаря притоку эвакуированных, даже после ухода значительного числа глазовчан на фронт, к началу 1943 года численность населения города даже возросла и составила 18,8 тысяч.

Учитывая напряженное положение с жильем для эвакуированных, Совет Народных Комиссаров УАССР в 1941 г. выделил Глазовскому Горисполкому 50 тыс. рублей. Было решено построить 8 квартирный жилой дом (барачного типа), и переоборудовать надворную постройку на ул. Кирова под барак. Однако это строительство изрядно затянулось. Спустя два года, на сессии Глазовского Горсовета 4 октября 1943 г. военком Тронин возмущенно заявил: «Жилуправление строительством в г. Глазове не занимается, квартир не хватает. Начатое строительство дома для эвакуированных заброшено бесхозяйственно, а есть частники, которые за время войны выстраивают себе дома с баням и со всеми надворными постройками. Вот этих людей нужно привлечь на строительство и ремонт для жилуправления».

Но выступление военкома помогло мало. Дом для эвакуированных был введен в действие только в августе 1944 г., когда острота с жильем заметно спала в связи с начавшимся возвращением беженцев на прежнее место жительства.

Конфликты подселенных эвакуированных с хозяевами и без того тесных квартир были практически неизбежны. Однажды, например, жену командира Красной Армии Крестьянинова, приехавшую в Глазов, родственники мужа просто не пустили жить в дом. Из документов известны многие факты притеснений и издевательств владельцев частных домов над эвакуированными жильцами. На пленуме Глазовского РК ВКП(б), состоявшегося 9 января 1942 год, отмечалось «наличие отсталых настроений вроде того, что якобы не стало некоторых продуктов из-за того, что наехали эвакуированные».

Но случалось и такое. В квартиру бухгалтера буфета Глазовского вокзала Сергея Порошина, согласно полученному ордеру, въехал майор Ленинградского пехотного училища Доценко с семьей из 3-х человек. Оглядевшись в двухкомнатной квартире,

майор заявил остолбеневшему хозяину следующее: «его одна комната не удовлетворяет и я, мол, займу всю твою квартиру, а ты живи где хочешь».

Очень скоро из училища был прислан грузовик и хозяина с семьей и сундуками вывезли в неблагоустроенный дом за городом. Бухгалтер Порошин горько вопрошал в своей жалобе: «Я никак не допускал мысли о том, чтоб командиры Красной Армии поступали подобным образом, т.е. улучшали свои интересы за счет ухудшения своих же соотечественников... Прожив зиму 1942 г. в данной квартире детишки стали жаловаться на заболевания ног, сам и жена чувствуем, что болезни пришли в нашу семью. Невольно в голове рождается вопрос – почему дети майора Доценко должны жить в теплой квартире, а наши переносят лишения?» Но все было бесполезно. Квартиру семье Порошиных власти так и не вернули.

Но эти случаи, к счастью, являлись исключением. Как правило, местные жители и беженцы жили вместе очень дружно. Одна из глазовчанок, бывшая в войну школьницей, вспоминала об этом так: «В 1942-1943 гг. к нам в класс пришли эвакуированные, мы их приняли как родных. Отцы и старшие братья у всех были на фронте, матери поднимали нас одни. Жили классом как одной семьей».

Для размещения эвакуированных и решения проблем, связанных с трудоустройством, обеспечением продовольствием и др., при исполнении Глазовского Горсовета в первые дни войны был создан специальный эвакуационный отдел. Такие отделы создавались повсюду, где размещали беженцев. В Глазове инспектором по трудовому и хозяйственному устройству эвакуированных был назначен депутат Горсовета Шадрин. В 1942 г. его сменила депутат Д.С. Салангина, подчинявшаяся Широбокову – начальнику специального «Отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения» при Совете Народных комиссаров Удмуртской АССР.

Снабжение эвакуированных, как и местного населения, продовольствием и промтоварами осуществлялось по повсеместно действовавшей с октября 1941 г. карточной системе. В городских же магазинах, начиная с осени 1941 г., не хватало товаров повседневного спроса. Были часты перебои в снабжении хлебом. Порой выдача хлеба задерживалась на 5-6 дней.

Многие беженцы покидали свои дома в чем были, не успев собрать необходимые вещи и продовольствие. Особенно остро приезжие нуждались в обуви. Дело доходило до того, что дети беженцев ходили по улице босиком. Бывало, что в семьях эвакуированных совсем не было зимней одежды, и они не могли поступить на работу и устроить детей в школу или детский сад.

Из письма командования военно-воздушными силами Волховского фронта:

«В гор. Глазове Удмуртской АССР находится группа семей начсостава ВВС Ленинградского и Волховского фронтов эвакуированных из Ленинграда.

Командиры, семьи которых находятся в Глазове, получают от своих семей письма, в которых жалуются на плохие материально-бытовые условия как например семьи получают только 400 гр. хлеба в день на члена семьи и больше никаких продуктов не получают. Имеющаяся в Глазове столовая военторга отпускает на семью только один обед независимо от состава семьи один ли человек или 5-6. На рынке все дорого и средств которые семьи получают от своих мужей не хватает на удовлетворение самых минимальных потребностей питания.

В связи с этим они вынуждены выменивать носильные вещи на продукты. Выделенные для семей нашего начсостава дрова находятся в лесу на далеком расстоянии, транспортом для доставки дров им не помогли и они вынуждены нанимать частных лошадей платя за это опять же носильными вещами так как деньги за перевозку брать отказываются.

Такое отношение к семьям Командиров находящихся на фронте естественно вызывает отрицательные настроения и нарекания на местные органы власти...»

Впрочем, некоторые эвакуированные, напротив, жили намного лучше местного населения. Как потом вспоминали глазовчане, приезжие «нас жалели, что-нибудь да дарили со своего плеча. Они получше нас одевались, да и с деньгами легче жили. С собой немало привезли, а до войны, видать, хорошо жили». Но таких было не очень много.

Эвакуационный отдел Глазовского Исполкома, несмотря на нехватку денежных средств, материальных фондов и ресурсов, старался, при помощи властей Удмуртии, помогать нуждающимся беженцам. Наряду с использованием централизованных средств, местные органы власти изыскивали возможность

выделения товаров из имеющихся фондов. Приезжие обеспечивались предметами первой необходимости, по мере возможности снабжались продуктами питания и промтоварами (от ниток до мехов) по установленным нормам.

Например: для продажи эвакуированному населению, проживающему в Глазовском районе в январе 1942 г. было выделено 374 кг. хозяйственного мыла. В октябре того же года Наркомторг Удмуртской АССР выделил без продкарточек следующие продукты: сахар – 15 кг, масло сливочное – 8 кг, крупы – 40 кг., картофеля – 40 кг., рыбы или мяса - 40 кг. Норма продажи (разовый отпуск) была установлена на одного человека из следующего расчета: сахар по 200 гр., масло сливочное по 100 гр., крупа – 200 гр., картофель – 500 гр., рыба или мясо – по 100 гр.

Только за июль 1943 года через отдел исполкома им было выдано 96 пар валенок, 6 полушубков, 310 пропусков в столовую, 14 пальто, 5 пар ботинок, различных промтоваров 220 предметов, а также было израсходовано на выплату единовременных пособий 5 тысяч рублей. Зимой 1945 г. работающим нуждающимся беженцам были бесплатно розданы валенки - по две пары на семью из 4-6 человек..

Но всего этого было явно недостаточно, ведь беженцев были тысячи, и выдаваемых товаров не могло хватить на всех. Поэтому в комплексе мероприятий по организации помощи эвакуированному населению важное место занимало их трудоустройство.

Первое время беженцы неохотно устраивалась на работу в Глазове, рассматривая свое пребывание в эвакуации как временное. Часто квалифицированные специалисты просто не могли найти службу по специальности. Не шли на работу инвалиды, пенсионеры, домохозяйки, а также женщины с малолетними детьми.

Но уже в 1942 г. из 2807 человек, размещенных в Глазове, было устроено на работу 1227 человек – почти все трудоспособное эвакуанаселение. Этому успеху способствовало то, что детей беженцев устраивали в ясли, детские дома и школы. Были расширены места в детских садах. В школах к лету 1942 г. для 330

прибывших в город по эвакуации детей были открыты новые классы. В итоге эвакуированные женщины, освобожденные от присмотра за детьми, шли на работу.

Трудно назвать предприятие или учреждение, где бы к концу войны не работали эвакуированные. Только на промышленных предприятиях Глазова к концу 1943 г. их трудилось свыше 550 человек.

Эвакуированные пекли хлеб на Глазовском хлебокомбинате, набивали папиросы на табачной фабрике, стояли за прилавком в магазинах, работали на строительстве, трудились в ремесленных и средних школах, детских садах и домах, столовых, госпиталях и поликлиниках. К примеру, в эвакогоспитале 3891, самоотверженно работали врачи, эвакуированные из Ленинграда. На патронном заводе трудилось немало беженцев-подростков, даже мальчишки двенадцати-тринадцати лет. Даже в Горисполкоме работала опытная эвакуированная машинистка.

Эвакуированным, поступающим на работу в Глазове, часто приходилось осваивать совершенно новые профессии. Портниха работала набойщиком на табачной фабрике, охранник НКВД - сапожником в Артели инвалидов; мастер зонтов - буфетчицей в столовой, проводник на железной дороге - санитаркой в эвакогоспитале.

В Глазовском Учительском институте директором стал Герман Мартинсон, эвакуированный из Латвии, человек глубоко порядочный, интеллигентный, блестящий эрудит. Несколько беженцев уже в 1941 году поступили на первый курс института. В институт, заменив преподавателей-мужчин, ушедших в армию, пришли эвакуированные педагоги, почти все с учеными званиями и степенями. Впервые в преподавательском составе института появились ученые, закончившие аспирантуру, что значительно повысило его научно-педагогический потенциал.

Ученицам Глазовской женской средней школы особенно запомнилась эвакуированная из Ленинграда учительница немецкого языка Мария Сергеевна Богданович, правнучка великого полководца М.И. Кутузова. Ее бывшие воспитанницы так вспоминали о ней:

«Высокая, красивая, одетая в костюм с длинной юбкой, волосы собраны в пучок, взгляд и строгий, и ласковый одновременно – словом, классная дама, каких до этого в жизни нам не привелось видеть, разве только в кино. Она сама своим отношением

к нам, всей своей жизнью преподносила уроки этики, она первая заговорила с нами о культуре поведения: как вести себя за столом, на улице, в кинотеатре и в театре, как общаться друг с другом. Как нам это помогло в жизни. Даже находила время учить нас танцевать вальс. Как мы к ней были привязаны».

Во время войны с германским фашизмом Мария Сергеевна сумела привить в своих ученицах любовь к немецкому языку. Она вела кружки о хороших манерах и для девочек, и для учителей своей школы. Когда Мария Сергеевна в 1946 году вернулась в Ленинград, воспитанницы всем классом проводили ее.

После июля 1943 года, после победы в битве на Курской дуге и начавшегося неудержимого наступления Красной Армии на запад, численность эвакуированных граждан Глазове постепенно начала сокращаться. Прием их был почти прекращен, а через некоторое время началась и реэвакуация, то есть возвращение людей на прежние места жительства.

К февралю 1945 г. в Глазове из эвакуированных уже оставалось только 1688 человек, из них 645 – дети до 14 лет. Работало 796 человек, из них в промпредприятиях - 339, в промартелях - 29, на железнодорожном транспорте - 2 человека.

Эвакуированные граждане, однако, не имели права возвращаться домой по своей воле. Страна была на военном положении. Первыми уезжали семьи людей, не занятых на оборонном производстве. Семьи рабочих отправлялись домой намного позже, после окончания войны.

Сама реэвакуация начиналась только после запроса в Совнарком СССР руководства области и района, откуда приехали эвакуированные, о возвращении своих граждан. Только после полученного разрешения из Москвы начиналась подготовка к отъезду.

В первую очередь, отделами по хозяйству эвакуированных готовился именной список отправляемых на родину. Управлению железной дороги подавалась заявка о предоставлении крытых вагонов для людей и скота на станции. На дорогу людям выдавались продукты питания, пропуск, справка о снятии со снабжения или рейсовые карточки, справка состояния здоровья.

В Глазове за отправление эвакуанаселения на прежнее место жительства непосредственно отвечала инспектор Салангина. Одна за другой уезжали по железной дороге организованные партии эвакуированных. Например, в начале мая 1945 со станции Глазов были отправлены: в Карело-Финскую ССР 64 человека (27 семей), в Калининскую область - 12 человек (5 семей), в Ленинградскую – 22 человека (10 семей). В середине мая в Карело-Финскую ССР уезжал 161 человек. В июне 1945 г. – 150 человек в Ленинградскую область.

Впрочем, иногда случались накладки. В мае 1945 г. отправление эвакуированных граждан в Карело-Финскую ССР сильно задержалось из-за отсутствия вагонов. 10 мая инспектор Салангина посылает в Совнарком УАССР встревоженную телеграмму: «Рейсовые карточки пропуска истекают. Народ волнуется. Вагонов нет. Примите меры». Ответ последовал незамедлительно. 13 мая четыре вагона были поданы на станцию Глазов.

Так постепенно, в хлопотах и заботах, невольные гости нашего города отправлялись домой, оставляя за окном вагона все пережитое на Глазовской земле – и хорошее, и плохое.

Но уехали не все. Для части эвакуированных Глазов стал второй родиной. Например, в конце мая 1945 г. 30 человек из Карело-Финской ССР отказались ехать и остались в городе. Одни эвакуированные боялись возвращаться в родные места, разрушенные войной, и не хотели бросать работу и налаженный быт, другие нашли в Глазове свою судьбу и обзавелись семьей. Многие из них живут в городе и сейчас. Живут в Глазове их дети и внуки, служа живым напоминанием о тех, кто нашел в военные годы спасение и приют на глазовской земле.